

РЕЦЕНЗИИ

Скарборо И., Брусина О. Элиты Кавказа: Факты и методологии: в 2 т. – Варшава: Изд-во Варшавского университета, 2012. – 86 с.¹

Капитальное исследование, выполненное под эгидой польских специалистов (автор и руководитель проекта – главный редактор серии, член комитета политических наук Академии наук Польши Тадеуш Бодио), представляет собой важнейшую веху в истории изучения современных проблем этнополитического развития государств Кавказа. Двухтомное издание нацелено на классический принцип составления комбинированных (теоретических, методологических и эмпирико-аналитических) исследований в форме цельной монографии. Исключением из общей цельности монографии является глава монографии, посвященная истории казачества на Кавказе. Тема, безусловно, важная, интересная и актуальная с точки зрения возможности сохранения России на Северном Кавказе. Однако представленные материалы не достаточно органично вписываются в общий замысел издания. Столь же обособленно стоит в двухтомнике исторический очерк профессора Важи Кикнадзе о формировании политической элиты в Грузии в конце XIX – начале XX в.

Основная цель авторского коллектива – показать Кавказ как специфический конгломерат в ипостасях трех крупных геополитических блоков – Северный и Южный Кавказ и проблемные государства (соответственно, субъекты Российской Федерации, бывшие союзные, а ныне государства независимые, третья группа – непризнанные государства де-факто). Почти все статьи и главы книги очень близки друг другу проблемно-тематически, в большей или меньшей степени взаимно проникают друг в друга, показывая «столкновение традиций с наступающей модернизацией и глобализацией».

---

¹ По материалам <http://central-eurasia.com/index/>.

Такой подход позволяет структурировать сходства и различия трех частей региона исходя из критерия воздействия бывшей метрополии на скорость движения их к полной фактической самостоятельности и международной правосубъектности. В центре внимания авторов книги – одна из наиболее актуальных, популярных в массмедиа, но малоизученных наукой тем – правящие элиты: теория и практика формирования, механизмы, состояние и роль в жизни государств Кавказа. Страницы издания насыщены историческими малоизвестными и неизвестными фактами, материалами текущей жизни, ценными методологическими и теоретическими сентенциями, политологическим новоязом, без которого невозможно выстроить новый ракурс видения ситуации на Кавказе («этнопартии», этнический фаворитизм, модели политического лидерства, «фактор трансформационной петли», «этнический остаркизм», «каналы формальной и неформальной клановой и межклановой вербовки и перевербовки», и др.)

В издании сделана крупномасштабная попытка объяснить общее и особенное между Кавказом, Россией и остальным постсоветским миром через особенности географического расположения региона, кавказской культуры, ментальности, особенностей исторического развития. Отдельные авторы исследования делают акцент на досоветской истории, другие – на влиянии номенклатуро-коммунистического правления, третьи – на вообще советских корнях «кавказских» феноменов.

Во введении к первому тому показаны рельефно основные очертания политической эволюции, трансформации и современной ситуации, узловые проблемы, обусловленные традиционным образом жизни и наследием советского времени.

В южной части региона остропроблемная военно-политическая ситуация между Азербайджаном и Арменией, а также последствия военного конфликта между Россией и Грузией оказывают влияние на ход внутриполитических процессов и формирование элит. Внешние угрозы независимости и территориальной целостности скорее укрепляют правящие авторитарные режимы и консолидируют элиты, чем способствуют ожидаемой дестабилизации (Грузия, Азербайджан, Абхазия и др.). Причем в роли такой опасности может быть не военная сила, но и вообще сохраняющийся в представлении местных элит риск неокolonизации. В этом хитро-сплетении разнородных факторов одна из причин устойчивости авторитаризма и его предпочтительности на Кавказе, да и не только там.

Характерное явление власти в Азербайджане, пишет Яцек Залесьны, – абсолютная поддержка населением фаворитов правящей элиты и клана Алиевых, побеждавших на всех выборах на президентский пост без проведения второго тура голосования (1991, 1992, 1993, 1998, 2003, 2008 гг.). Следовало бы оговорить, что не все развивалось гладко. На выборах 1991 г. первенство получил А. Муталибов, затем бежавший в Москву и лишь в

этом году амнистированный. На выборах 1992 г. победил А. Эльчибей, также попавший в опалу, и только затем уже пришел к власти нынешний клан Алиевых. При этом важно иметь в виду, что после кончины старшего Алиева в руководстве страны произошла если не принципиальная, то существенная перегруппировка элитарных кланов.

В северной части, т. е. в республиках, входящих в состав РФ, военного противостояния не наблюдается. Но и там политические споры идут по-своему остро между элитами окончательно не сформировавшегося политического класса. При этом важно иметь в виду, что на расстановку сил в северной части особенно большое воздействие оказывает Россия, которая придерживается доктринального принципа признавать политиков у власти и преданные им элитарные кланы, а не тех, кто в оппозиции к ним.

Михал Словиковский считает, что Москва недовольна элитой на Северном Кавказе и ищет способ провести изменения в региональной политике. Об этом же напоминает профессор Т. Бодио, подчеркивая, что с 2012 г. происходит критическая переоценка состава региональных элит на Северном Кавказе, ибо прежний ее состав не обеспечивал в должной мере достижение главной цели – управляемости регионов. «Попытка унифицировать модель формирования региональных элит в республиках Кавказа, принятая федеральным правительством, также не привела к желаемым результатам», пишет Т. Бодио.

Действительно, в начале 2012 г. сложившаяся в последние годы «вертикаль власти» на Северном Кавказе была поставлена под сомнение. Однако после вступления на второй срок В.В. Путина градус напряженности вокруг этой темы в правящих кругах России стал снижаться. Попытка Москвы «сформировать элиту» на Кавказе отчасти все же удалась: сегодня, по большому счету, насилие и «терроризм» происходят лишь в пределах Кавказа, и не в центральной России (исключения, хоть и громкие, только доказывают общую тенденцию). Можно предположить, что выполнение этой задачи было и есть одним из условий поддержки Москвой сложившихся на Северном Кавказе региональных элит.

Способность авторов к емким обобщениям достойна похвалы. Правильным следует признать заключение, совпадающее в работах сразу нескольких авторов о том, что в идеологии независимых государств Южного Кавказа преобладает тенденция к национализму и превосходству «титульной нации». Наиболее четко эта позиция выражена в работе Мациея Хартлински, посвященной конституционному анализу, в которой он выделяет общий для всех республиканских идеологий курс на монархическое (и вместе с тем кланово-элитарное!) правление («они имеют общий знаменатель в виде доминирующей роли президента»). В то же время расширительный подход к Кавказу, как это ни парадоксально, местами выглядит недостаточно обобщающим. Например, консолидация экономической и

политической власти в руках правящих элит путем выборочной приватизации, произошедшая сразу после распада СССР, – характерное явление на всем постсоветском пространстве, в том числе и в России.

В интересной и дискуссионной работе Александра Крылова показано, что слияние политической и экономической власти в регионе – процесс закономерный и стадийно-прогрессивный. Автор определяет это слияние власти как главный фактор развития. Столь же интригующими являются рассуждения автора о том, что правящая элита в Грузии не пользуется достаточной поддержкой населения и зависит от экономической и политической поддержки Европы и США. А. Крылов использует цитаты из книги британского автора Колина Кроуча о том, что ресурсы внутренней местной демократии на постсоветском пространстве (прежде всего в Грузии) играют меньшую роль, чем мощь международных корпораций. В обход демократии наступает полоса авторитарной «Постдемократии» (название книги К. Кроуча). Правда, в последней части цитируемой А. Крыловым книги этого автора указано, что даже в условиях постдемократии настоящая демократия все еще имеет шансы быть восстановленной.

Сходный взгляд на источники поддержки при формировании постсоветской элиты Южного Кавказа (без Грузии) имеет Малгожата Сикора-Гаца. Она подчеркивает важную роль России и ее крупных предпринимателей, игравших в этом процессе внешних акторов. Профессор Исрапил М. Сампиев приводит множество примеров виртуальной общности региона с остальными частями РФ, имея в виду «кумовство, родство, блат, подкуп, работа на спецслужбы и т.д.» Избегая тривиальной манеры говорить о преимущественно «традиционном» строе кавказского общества, И. Сампиев объясняет происходящее зависимостью нынешней кавказской элиты от патронов в Москве, и только затем уже от клановых группировок внутри республик.

Другие авторы двухтомника видят механизмы функционирования политических элит и лидерства через призму «традиционализма» и местной культуры. Последние, по умолчанию, рассматриваются как лишний груз и препятствие для развития демократии. Правда, сторонникам такого подхода не всегда удается уйти от терминологической путаницы («демократия», «анархия», «порядок», «хаос», «традиция», «модернизация» и т.п.). Например, не во всем можно согласиться, читая, что «одной из причин анархии на Северном Кавказе стала победа традиционализма над демократической модернизацией». Полагаем, что сегодня на Кавказе анархизма меньше, чем в 1990-е гг., когда было кое-какое подобие демократии или, по крайней мере, местное самоуправление. Победа «традиционализма», на наш взгляд, напротив, ведет к сокращению анархии и хаоса. Это не отменяет ценной мысли профессора Т. Бодио о том, что режимы на Кавказе «переходные» и потому «нестабильные». Вопрос в другом: как

долго будет продолжаться «переход» и к чему он приведет на новой стадии?

В монографии рассматриваются кардинальные теоретические вопросы современной этнополитологии: может ли «культура» порождать «нестабильность», коррупцию, «неадекватность власти», исламизацию, клановость и общую «неэффективность» государственных структур? Может ли отсутствие «демократии» или «прав человека» объясняться кавказскими этническими традициями? Каковы связи «традиций» с «анархией», с одной стороны, и с «авторитаризмом» – с другой? Как местность и культура определяют ход и характер к государственности? «...Хотя такое положение дел и соответствует местной традиции, но именно оно порождает авторитарные методы правления», – пишет главный идеолог издания Т. Бодио. Другой автор, Валерий Коровин, видит в традициях единственное объяснение того, как держится во власти Рамзан Кадыров в Чечне.

На наш взгляд, допустимо предположить, что не родственные связи и отношения (фундаментальная традиция этносов), а социальная конкуренция патронов кланов за власть и ресурсы порождает местные проблемы, в частности проблемы в судебных органах. Несоблюдение легальных прав граждан, возможно, заключается также не только в использовании каких-то «традиций» в ходе судебного разбирательства, а в полном отсутствии судебного контроля и наличии закулисного контроля над деятельностью «независимых» судов. Возможно, правильнее говорить, что беззаконие порождает «традицию», а не наоборот.

Профессор политологии из Владикавказа Борис Койбаев делает попытку поставить под вопрос тезис о традиционной «культуре» как источнике проблем политического развития, акцентируя на том, что происходящее в Северной Осетии-Алании универсально для региональных элит в России. Однако затем переводит стрелку на «повышение роли неформальных связей этнического и кланового характера». Как отмечалось на примере концепции постдемократии Колина Кроуча, в ряду переходных режимов не стоит в стороне даже политически продвинутая Грузия. В статье эксперта в области административных реформ в Грузии Кшиштофа Домбровского описан спор центральных и региональных элит: сильные центробежные тенденции национальных меньшинств являются главной угрозой территориальной целостности этого государства. Широкий круг исторических событий и явлений лежит в основе этой проблемы: и поддержка централизации от федерального советского центра в 30-е гг., и ослабление централизации в 60-е и 70-е гг. XX в., и попытки участия России в политических процессах в Грузии после распада СССР и т.д. Центральное место в статье Домбровского занимают вопросы влияния автономизации Грузии на формирование региональных элит в советский период. При этом в тени остается этнический аспект этой темы. Формировались не

просто региональные элиты, а противостоящая Грузии абхазская нация. Складывается впечатление, что до автономий абхазов как этноса не существовало.

Несколько в ином ключе выполнена работа Матеуша Пискорски, посвященная президентским выборам 2011–2012 гг. в Южной Осетии, гарантом существования которой как государства является Россия. Это больше конкретно-описательное исследование, где показана хроника выборов, их международный контекст, выделен круг возможных претендентов на кресло президента этой республики. Автор делает вывод, что распределение сил республиканской элиты зависит от распределения финансовой помощи для Южной Осетии из Москвы. Однако описанная автором история с президентскими выборами 2011–2012 гг. показала, что на ситуацию в этой стране могут оказывать сильное спонтанное, хотя и не решающее влияние и простые граждане.

Пшемислав Серадзан ищет истоки формирования национальной идентификации элиты современной Абхазии и «всеобщей ненависти» абхазов к политике Грузии. Автор показывает особенности поведения различных фракций правящей элиты в годы войны с Грузией 2008 г., модель лидерства С.В. Богапша и отсутствие сколько-нибудь оптимистических перспектив для демократии в этой стране при новом президенте. Изменения в условиях полувоенного положения маловероятны. Элита этой страны играет ключевую геополитическую роль в противостоянии Грузии и России.

Глава Сергея Минасяна о взаимоотношениях между Арменией и Карабахом наглядно, хотя местами и поверхностно, описывает ситуацию в регионе и подчеркивает важность Карабаха и карабахских политиков в формировании нынешней элиты в Армении. На это же указывает Пшемислав Адамчевски. Эти две главы хорошо дополняют друг друга. Адамчевски, в частности, подчеркивает, что конституционная модель и реальность в Карабахе далеко не одно и то же, он показывает влияние на него военного конфликта 90-х гг. XX в. на сложный процесс формирования элит в Карабахе. Кшиштоф Федеорович констатирует, что только сейчас, «после вступления Армении в Совет Европы» и «начальной стадии процесса демократизации», можно наблюдать отклонение от применения насилия как государственными органами, так и оппозиционными силами Армении. Не будем, однако, забывать, что риски возвращения к «патологии насилия» в Армении и Карабахе сохраняются до тех пор, пока не будет урегулирована проблема с военным присутствием армян в Азербайджане.

На Северном Кавказе, по мнению московского философа Александра Дугина, трансформация лидерства и политических элит больше всего отражает «архаический», «несовременный» общественный строй, скрытый в советские времена и ставший очевидным после роспуска СССР. Со-

гласно новаторскому тезису А. Дугина об «археомодерне», легко забыть о 70-летнем, прямо скажем, революционном, а порой и катастрофическом развитии в составе СССР, но всегда легко вспомнить о том, что было создано много сотен лет назад (!?). Такого рода произвольное элиминирование с использованием замысловатых близких к «искусствоведению и архитектуре» терминов возможно оживляет, но не углубляет наши представления о специфике Кавказа.

На этом фоне выигрышно смотрится глава Петра Грохмальски из Торуни о политической элите Чечни. В ней детально, по периодам показаны формирование и трансформация политического класса в регионах. Каждый период у Грохмальского – это своеобразная, исторически обусловленная комбинация факторов, под воздействием которых создается модифицированный тип лидера и его окружения. К примеру, в до- и постсоветское время элиты формировались под влиянием адатов и шариата. Такой конкретно-исторический поход к теме, безусловно, заслуживает положительной оценки.

В работе Иоанны Дзюбы показано, что «рост традиционных клановых структур» в Северной Осетии связан с тем, что в подавляющем большинстве правящие кланы состоят из патронов и потомства от старых партийно-государственных структур времен СССР либо связанных с ними новых предпринимателей. Об этом же пишет и Наталья Кожаневска, правильно замечая продолжение правления Дагестаном кланами, занимавшими важные посты в советское время. «Элита трансформировалась, – пишет Кожаневска, – но тип ее остался прежним».

Важно заметить, что советско-коммунистический строй оказался тупиковой ветвью магистрального развития, но это не значит, что его разрушение не было связано с объективно происходившей в то время модернизацией, а в еще большей степени с капитальной ломкой старого и вместе с тем с самоубийственными для самой Москвы уступками национальным элитам с целью кажущегося самосохранения империи. Именно таким образом был сформирован глубоко эшелонированный состав светской политической и культурной элиты. Другой вопрос, который, вероятно, будут исследовать будущие политологи, – можно ли считать эту элиту традиционной?

Не только современные элиты, но и вся жизнь Кавказа являются результатом сложного симбиоза, вековых традиций, советской эпохи и постсоветского времени. Например, коренизация аппарата власти, структур управления всех уровней началась еще в годы существования СССР. Рассматривая этот вопрос на примере Адыгеи, Олег Цветков в очень содержательном очерке акцентирует внимание читателей на «доминировании в системе власти адыгейцев», где титульный этнос находится в положении национального меньшинства (25 % населения страны!). Фавориза-

ция адыгейцев является продолжением советской политики уступок национальным элитам. Но вряд ли в планы Москвы входит официальное признание адыгской «этнопартии» – главной в стране неформальной группы, состоящей из наиболее влиятельных патронов адыгских элитарных кланов, определяющих политический климат в стране и фактически контролирующих в ней все и вся. Цель партии – сохранение политической гегемонии адыгейцев. Хотя «национальные республики» именуется в Конституции РФ «государствами в составе Российской Федерации», и им дается право устанавливать свои государственные языки. Паритетность в высших органах при латентной конкуренции русских и адыгов за должности и преобладании неадыгов в составе граждан достигается за счет языкового фактора. Число адыгов, не знающих русский язык, меньше, чем число русских, знающих адыгский. По Конституции в стране два государственных языка: русский и адыгский, и высокие должностные лица обязаны знать оба. Число русских в стране неуклонно сокращается.

Безусловно, центральной идеей, стержнем монографии является тезис о том, что Кавказ – это непременно традиция, что говорить о нем вне традиции и истории означает не знать самой специфики, которая и определяет все, что происходит в этом регионе в настоящее время. Так, Анджей Ходубски пишет, что если бы международные деятели понимали историю Кавказа, им было бы куда легче и эффективнее реализовывать там свои проекты. На Кавказе, подчеркивает исследователь, «традиционализм, мифы и стереотипы являются важной силой в формировании региональных отношений, в том числе в сфере политики, лидерства и правящих элит». На этом фоне более корректным выглядит лаконичное замечание Томаша Стемпневского о том, что непонимание Кавказа объясняется не исторической неграмотностью европейских специалистов, а тем, что Европа стала знакомиться с регионом только в самое последнее время.

В ходе знакомства с книгами возникает и другой вопрос: правильно ли рассматривать интерес Европы и США к постсоветскому Кавказу (и Центральной Азии) в рамках старой колониальной геополитической концепции новой «большой игры»? На наш взгляд, попытка влить «новое вино в старые меха» не является удачной. Конечно, есть много внешних признаков и соблазнов, которые подталкивают к столь легковесным сравнениям. Несмотря на намёки именно на такое направление, совершенно нет весомых оснований считать, что, например, проамериканская, прозападная Грузия станет плацдармом к американо-европейской гегемонии на Кавказе, и уж тем более – в Евразии. Думать иначе – все равно, что видеть в нефтяных контрактах американских компаний в Туркменистане или Казахстане ключ к формированию прозападной государственности в Афганистане.

Монография такого масштаба и с такой значительной содержательностью естественно включает в себя самые различные теоретические взгляды и методологические подходы к изучению современной кавказской элиты и ее формированию. В то же время работа впечатляет не только разнообразием своих статей и авторов, но и похвальной глубиной исследований, показанной по всем включенным в ней главам. Несомненно, что «столкновение» глобально распространяющейся современности с местными реалиями, намеченными авторами монографии на Кавказе, еще долго останется в центре научного и политического внимания, подобные попытки разобраться в полученной культурно-политической смеси сейчас действительно нужны.

Шохрат Кадыров,
доктор исторических наук